

Глава 14. Схватка

Пышный семейный ужин в этот вечер устроили специально для Шестого господина. Нужно было отметить его возвращение — он, наконец, благополучно выписался из больницы.

Однако виновник торжества поначалу наотрез отказывался спускаться. В конце концов Хаожэнь, устав от бесконечных уговоров, решил действовать силой: он буквально вытолкнул Цзян Вэйхуна из комнаты и, преодолевая сопротивление, дотащил до лестницы.

Оказавшись в столовой и увидев столько народа, мужчина тут же нырнул Хаожэню за спину. Он обвёл взглядом собравшихся — всё те же лица, что мелькали перед глазами весь день. Взяв Вэйхуна за руку, он вывел его вперёд и усадил на почётное место подле старейшины Цзяна.

Из младшего поколения дома был только Вэньлан. Остальную компанию составляли сам старый господин, две его супруги, Цзян Вэйхуэй, А-Гуй и, собственно, Шестой — новоявленный дурачок.

По правилам приличия Хаожэнь не мог обедать за одним столом с семьёй — как ни крути, слугам здесь не место. А-Гуй был совсем другим делом: он не прислуга, а человек из «Ши Интернешнл», фактически гость.

Едва Хаожэнь собрался уйти, как Вэйхун мёртвой хваткой вцепился в его рукав и рванул назад. Хаожэнь покачнулся и едва не налетел на край стула, но мужчина не отпускал. Ситуация становилась неловкой. Хаожэнь принялся вполголоса убеждать его отпустить, приводил доводы и так и эдак, но Вэйхун просто встал, давая понять: уйдёт Хаожэнь — уйдёт и он.

Старейшина Цзян нахмурился. Цзян Вэйхуэй, заметив это, примирительно улыбнулась:

— Ничего страшного. Хаожэнь, садись с нами. Я просто немного подвинусь.

Услышав это, А-Гуй тут же вскочил и уступил своё место тётушке Вэйхуэй. Вэйхун, добившись своего и оставив Хаожэня рядом, мгновенно притих и успокоился.

Хаожэнь, сгорая от смущения, сел за стол. Старый господин бросил на него короткий взгляд, но в итоге смягчился.

— Вэйхун, — заговорил старейшина, — сегодняшний ужин в честь твоего выздоровления. Знаешь ли, пока ты был в больнице, у меня на душе кошки скребли. — Он внимательно посмотрел на сына. — А теперь, видя тебя в таком состоянии, мне становится ещё горше.

Его слова не вызвали у Вэйхуна никакой реакции, зато А-Гуй иронично усмехнулся. Видя, что сын полностью его игнорирует, старейшина понял, что продолжать нет смысла, и коротко бросил:

— Приступайте к еде.

Все дружно взялись за палочки. Юань-сао вышла из кухни и начала разливать по пиалам суп. Первая госпожа, Цай Юнья, самолично пододвинула миску к Вэйхуну.

— Шестой дядя, этот суп — общеукрепляющий, — зашебетала она. — Я специально велела его сварить, чтобы ты поскорее восстановил силы. Обязательно выпей побольше.

А-Гуй, едва уловив запах, заподозрил неладное. Он зачерпнул ложкой немного своего супа и тут же всё понял.

Курица, тушённая с дурианом. Шестой господин ненавидел дуриан всей душой.

А-Гуй искоса глянул на мужчину. Вэйхун понял, что в тарелке, в ту же секунду, как подали блюдо. С трудом вынося омерзительное амбре, он кипел от негодования. Глядя на Цай Юнью, которая с видом заботливой родственницы ждала, когда он начнёт есть, он едва сдерживался. В этом доме не было человека, который бы не знал о его отвращении к этому фрукту. Когда-то он даже крупно поссорился с Первой госпожой из-за дуриана. И что это значит теперь?

Вэйхун всерьёз раздумывал, не стоит ли ему, пользуясь маской безумия, просто выплеснуть это варево ей в лицо. Но не успел — Хаожэнь внезапно отодвинул суп в сторону. Шестой поднял голову и удивлённо посмотрел на него.

— Что уставился? — Хаожэнь понизил голос, но так, чтобы его слышали все. — Ты только оправился после болезни. Дуриан — слишком тяжёлый продукт, тебе такое сейчас нельзя.

Цай Юнья неуловимо изменилась в лице. Старейшина Цзян нахмурился, зачерпнул суп из своей пиалы и спросил супругу:

— Ты использовала дуриан для бульона?

Первая госпожа на миг растерялась, но быстро взяла себя в руки.

— Юань-сао? — Она изобразила полное неведение.

Экономка мгновенно сообразила, что к чему, и тут же склонилась перед господином в извинениях:

— Простите, господин, это моя оплошность! Виновата, не досмотрела. Я ведь до последнего не знала, что Шестой господин вернётся именно сегодня, и начала готовить заранее. Я подумала, что все остальные домочадцы любят дуриан, вот и не стала менять рецепт...

Старейшина, не видя смысла ругать прислугу, лишь махнул рукой:

— Убирай, убирай всё.

Цай Юнья бросила быстрый взгляд на мужа, но промолчала. Юань-сао, не дожидаясь возражений, велела слугам немедленно забрать суп у всех присутствующих.

Хаожэнь решил, что на этом инцидент исчерпан. Но когда Юань-сао подошла, чтобы забрать пиалу у Вэйхуна, тот внезапно схватил миску и с силой швырнул её на пол.

Посуда разлетелась вдребезги. Жирный бульон забрызгал ковёр и паркет.

За столом воцарилась гробовая тишина. Цай Юнья, не на шутку перепугавшись, дрожащим голосом спросила:

— Вэйхун, что это значит?

— Да забудь ты, — осадил её старейшина. — Сама ведь видишь, в каком он состоянии.

В его глазах это была выходка сумасшедшего. Что взять с калеки, который повредился рассудком? Вряд ли он целился в кого-то конкретно.

Заметив, что Вэйхун потянулся за ложкой, Хаожэнь ловко перехватил его руку.

— Не балуй, — строго предупредил он.

Хаожэнь убрал от него лишние приборы, оставив только маленькую чашу, и в качестве утешения положил туда крупную очищенную креветку.

Третья госпожа, Ци Цуйюнь, наблюдая за тем, как Юань-сао возится с уборкой на полу, так и лучилась злорадством. Глядя на креветку в тарелке Шестого, она едко заметила:

— Шестой дядя отродясь креветок не любил. Хаожэнь, твоё усердие явно вышло боком.

На самом деле Вэйхун креветки обожал. Просто будучи незаконнорожденным сыном, принятым в семью, он с детства во всём подражал вкусам старого господина, чтобы заслужить его расположение. А старейшина креветок не выносил — вот Шестой и притворялся. А-Гуй об этом прекрасно знал, так как часто обедал с ним в ресторанах.

— На самом деле, — подал голос А-Гуй, — за время пребывания в больнице вкусовые привычки Шестого господина сильно изменились.

В его понимании, если Шестой вообще соглашался что-то есть — это уже было благом. Какая разница, что именно в тарелке?

Старейшина Цзян тоже вспомнил доклады А-Гуя о том, как сын отказывался от еды, и недовольно бросил Третьей госпоже:

— Тебе вечно больше всех надо.

Лицо Ци Цуйюнь потемнело. Она с силой хлопнула палочками по столу, отчего атмосфера за ужином окончательно испортилась. Старейшина лишь раздражённо покосился на неё и проигнорировал выпад.

— Давай, Вэйхун, съешь ещё одну, — подала голос Цзян Вэйхуэй, пытаясь разрядить обстановку, и положила брату ещё одну креветку.

Тётушка всегда относилась к нему по-доброму, и Шестой не мог не оценить её жест. Он одарил её мимолётной улыбкой. Но именно эта улыбка заставила старейшину Цзяна призадуматься.

Помолчав, старый господин обратился к сыну:

— Вэйхун, я очень надеюсь, что ты поправишься в самое ближайшее время. Вэньлан уже связался с доктором Си, знаменитым специалистом из-за границы, и тот согласился приехать. Если через какое-то время прогресса не будет, нам придётся снова отправить тебя в клинику. И тогда... — Старейшина тяжело вздохнул. — Тебе, возможно, назначат операцию. Опять придётся терпеть боль и мучения.

При этих словах лицо мужчины дрогнуло. Он на мгновение вспыхнул затравленным взглядом, но тут же сделал вид, что ничего не понял, и продолжил меланхолично ковыряться в тарелке.

А-Гуй же и вовсе помрачнел. Если Шестого вернут в больницу, ему снова придётся торчать там целыми днями. От одной этой мысли у него портилось настроение.

В итоге ужин закончился так, что никто толком не наелся.

Ночью у Вэйхуна в животе громко заурчало. Он никак не мог уснуть, ворочался с боку на бок, пока, наконец, не придвинулся к Хаожэню и не потерся лицом о его теплое плечо.

— Что такое? — внезапно спросил Хаожэнь в темноте. — Укусить меня хочешь?

Мужчина вскинул голову, явно не ожидая, что тот не спит. Хаожэнь тоже страдал от голода. Не в силах больше лежать, он сел на кровати.

— Послушай, — с горьким вздохом произнёс он. — Ты никогда не жалел, что родился в такой семье? Денег куры не клюют, а приходится каждый день иметь дело с этим кодлом. От них же тошнит так, что кусок в горло не лезет.

Мужчина перевернулся на спину и, глядя в потолок, вдруг спросил:

— Если я кивну, ты дашь мне поесть?

Хаожэнь опешил. В его взгляде промелькнуло недоверие. Но секунду спустя до него дошёл смысл сказанного. Фраза была выстроена слишком здраво. В ней не было и следа того безумия, которое Вэйхун демонстрировал весь день.

Хаожэнь резко придвинулся и, нависнув над ним, пристально посмотрел в его лицо. Мужчина замер.

— А теперь скажи мне честно, — очень серьезно произнёс Хаожэнь. — Ты и впрямь дурачок или только притворяешься?

<http://bllate.org/book/17510/1657537>